

М. Эдельман
США

Перевод с английского И. С. Пирожковой, С. М. Полякова

КАТЕГОРИЗАЦИЯ, ВОСПРИЯТИЕ И ПОЛИТИКА

АННОТАЦИЯ. Перевод главы из книги «*Политический язык: успех слова и провал политики*» («*Political Language: Words that succeed and policies that fail*», 1977). Рассматривается важность для политического дискурса категоризации. Ведущая роль категоризации обусловлена взаимосвязью языка и мышления: слово соотносится с передаваемой им мыслью, а не является средством выражения заранее сформированной мысли. В процессе говорения или письма люди создают в своем сознании мысли, которых они не имели до того, как высказали их; при реагировании на слова собеседника слушающий или читающий подобным же образом порождает в своем сознании представления и тем самым осуществляет коммуникацию. Политические и идеологические дебаты в основном состоят из попыток добиться принятия определенной категоризации проблемы в борьбе конкурирующих направлений. Наиболее значимыми в политике видами категоризации являются представления о будущем. В свете этих представлений рассматриваются различные аспекты и приемы политического дискурса: языковое структурирование социальных проблем, ссылка на мифические общности как референтные группы, категоризация врагов, языковая реконструкция фактов в таком ключе, чтобы они соответствовали общим убеждениям о том, что должно произойти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс; языковая категоризация; образ врага; социальный консенсус; метафорика; стереотип мышления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: Мюррей Эдельман (1919—2001), магистр исторических наук (1942), доктор политических наук. Работал в Иллинойском университете (с 1948 г.), в Висконсинском университете в Мадисоне (с 1966 г.), с 1990 г. официально не работал.

СВЕДЕНИЯ О ПЕРЕВОДЧИКАХ: Пирожкова Ирина Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет; 620017, пр-т Космонавтов, 26; e-mail: irene22@live.ru.

Поляков Сергей Михайлович, кандидат филологических наук, доцент, декан факультета иностранных языков, Шадринский государственный педагогический университет; 641800, г. Шадринск, ул. К. Либкнехта, 3; e-mail: sepol@list.ru.

Восприятие предполагает категоризацию (частично глава представляет собой доработанные выдержки из статьи: [Edelman 1975]). Для того чтобы отнести объект к одному классу вещей, а не к другому, необходимо определить основные характеристики этого объекта и сформировать предположения о вещах, которые невидимы глазу. Для создания образа «соцработника» необходимо выделить его главные отличительные особенности, предположить наличие некоторых других черт и пренебречь второстепенными характеристиками, которые не являются специфическими для роли соцработника, хотя он может ими и обладать. Языковая категоризация в значительной мере затрагивает политическую сферу каждого человека, поскольку большая часть деятельности политиков остается вне поля зрения общественности и профессиональных журналистов и поскольку категоризация придает значение как наблюдаемым фактам, так и предполагаемым умозаключениям.

Другое свойство наблюдателя политического процесса усиливает этот эффект. По определению, действия такого человека не имеют заметных последствий. Для наблюдателя важна не информация о достигнутых политических действиями результатах; для него важно, насколько эффективны его собственные представления о возможном снижении

тревоги и пробуждении надежд. Его роль в политическом процессе определяется не личным участием, а вербальной категоризацией.

Последние работы по феноменологии по-новому оценивают потенциальные возможности языка, особенно в двусмысленных ситуациях. Морис Мерло-Понти отмечает, что игра актера в роли короля Лира характеризует для зрителей Лира, а не самого актера; подобным же образом слово соотносится с передаваемой им мыслью, а не является средством выражения заранее сформированной мысли. В процессе говорения или письма люди создают в своем сознании мысли, которых они не имели до того, как высказали их; при реагировании на слова собеседника слушающий или читающий подобным же образом порождает в своем сознании представления и тем самым осуществляет коммуникацию.

Мысль и ее выражение... формируются одновременно... Сказанное слово сравнимо с естественным жестом и выражает свое значение точно так же, как и жест. Именно этот факт позволяет осуществлять коммуникацию [Merleau-Ponty 1962: 183].

Ведущая роль языка в абстрактном мышлении и восприятии ситуаций, включающих объекты, недоступные непосредственному наблюдению с помощью зрения, также подтверждается наблюдением над поведением людей, страдающих афазией.

Перевод выполнен за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02102).

© Эдельман М., 1977

© Пирожкова И. С., Поляков С. М., перевод на русский язык, 2016
244

Афазия — это утрата способности выражать мысли, которая является следствием повреждения мозга. Страдающие афазией люди не способны создавать представления о возможных ситуациях, которые не существуют на самом деле; они также не смогут сгруппировать объекты по цвету или другим общим признакам, если их попросить сделать это. Только через название ситуаций или свойств, посредством которых они создаются, передаются или воспринимаются, и только благодаря тому, что название также предполагает категоризацию и абстрагирование (к чему люди, страдающие афазией, неспособны), актеры и зрители на политической сцене создают образы, которые либо ненаблюдаемы, либо вообще не существуют.

Рассмотрим пример, который поясняет, насколько глубоко категоризация формирует как видимые, так и невидимые образы в политической сфере. В любой психиатрической больнице есть пациенты с диагнозом «параноидальная шизофрения», которые считают, что они смогли бы спасти мир, если бы только люди прислушались к их советам. Знающие о том, что категоризация таких людей носит параноидально-шизофренический характер, естественно чувствуют иррациональность таких пациентов. Однако большая доля населения, особенно среди тех, кто занимает высокую должность или стремится к ней, и значительное количество людей, принадлежащих к определенной идеологии, также полагают, что они смогли бы спасти мир, если бы только люди прислушались к их советам. Судя по результатам их деятельности, зарегистрированным в истории, они так же могут быть правы или ошибаться, как и «шизофреники». Большинство населения воспринимает их некомпетентными, если врачи признают их больными; но если они занимают высокие политические должности, то все считают их компетентность выше среднего уровня.

В документах Пентагона говорится, что умные, высокообразованные и опытные политики администраций Кеннеди и Джонсона были убеждены в том, что интервенция во Вьетнам остановит распространение «мирового коммунизма» посредством войны, в которой будет одержана быстрая победа при малых затратах, и что они продолжали верить в это в течение нескольких лет, даже получая опровергающие это предположение данные. Такая практика является примером такой реконструкции реальности, к которой вряд ли пришли бы даже психически больные люди. Тысячи подобных примеров можно найти в политической истории мира.

Политические и идеологические дебаты в основном состоят из попыток добиться принятия определенной категоризации проблемы в борьбе конкурирующих направлений; но в связи с тем, что участники склонны считать дебаты спорами о фактах или индивидуальных свойствах, языковая (т. е. социальная) сущность восприятия обычно не замечается. Авторитетный статус источника категоризации создает благоприятные условия для принятия определения проблемы колеблющейся публикой, которую призывают отреагировать на двусмысленную ситуацию.

Что касается политических убеждений, то наиболее значимыми видами категоризации являются представления о будущем. Типизация нового лидера сильного государства-конкурента как симпатичного и миролюбивого человека создает представление о будущем как времени разрядки и сотрудничества в отношениях между двумя странами. Характеристика бедняков как некомпетентных или как людей, размножающихся гораздо быстрее представителей среднего класса, возможно, с помощью метафорического образа охлократии (власти толпы), создает картину будущего, в котором недостойные люди управляют праведниками. Такие представления сосуществуют с противоположными идеями и восприятиями. Так, человек, обеспокоенный высоким уровнем рождаемости бедняков, в некоторых ситуациях положительно оценивает их вклад в национальную культуру или их роль в обеспечении необходимых человеческих ресурсов для промышленности и армии. Для политика такие проблемные и двусмысленные категоризации представляют вызов и возможность продвинуться вверх. Для широкой публики они являются источником постоянной тревоги или надежды.

Однако такие представления редко бывают оригинальными. Они, по сути, являются примером того, что Альфред Шюц называет «сокровищницей готовых заранее построенных типов и характеристик, имеющих социальное происхождение и несущих огромный объем изученного содержания» [Schütz 1953: 10]. Как примеры типизации, они концентрируются на общих признаках и свойствах ситуаций, проблем, событий или людей, но они не учитывают их уникальных характеристик. Мышление в основном предстает именно в таком виде, так как обращение внимания на специальные характеристики каждой ситуации явно потребует от человека больше времени, энергии и умения, чем у него имеется. Следствием непроизвольно формирующейся типизации является то, что политические убеждения усили-

вают тот или иной ранее установленный социальный консенсус. Они вряд ли способны учитывать уникальные и важные свойства проблемы, хотя именно эти свойства создают условия для ее эффективного решения. Общие характеристики, тем не менее, оправдывают общие цели.

Языковое структурирование социальных проблем

Рассмотрим скрытый политический смысл обычного способа называния и классификации самых общих социальных «проблем»: бедности, преступности, психических заболеваний, профессиональных болезней, наркомании и низкой образованности. Мы формируем специальные министерства для работы с этими на первый взгляд ясно очерченными проблемами (например, министерство социального обеспечения, министерство юстиции, образования, здравоохранения и т. д.) и подбираем людей, специально обученных выделять специфический набор симптомов и определять характерные причины для каждого из них. Такая классификация пробуждает понятия и чувственные образы, которые мы обычно принимаем как само собой разумеющееся, потому что они неуловимо подсказываются терминами, их обозначающими. Такая схема классификации основана прежде всего на том, что эти проблемы отличаются друг от друга как своими причинами, так и симптомами.

Многие исследователи полагают, что такой подход является упрощенным и искажает истинное положение дел, поскольку он представляет все эти проблемы как вытекающие из деятельности экономических институтов. Если бы экономические институты функционировали в условиях отсутствия безработицы, низкооплачиваемой работы, униженного труда или неудовлетворительных программ пенсионного обеспечения и здравоохранения, то не было бы и бедности. В таком случае является ли бедность проблемой политики «соцобеспечения» или проблемой экономических институтов? Таким образом, существует две противоречивых точки зрения; ученые, принимающие за основу исследования второго направления, считают, что обвинение политики соцобеспечения в бедности населения представляет собой подмену причины проблемы ее симптомами.

Изучение текста недавно опубликованного отчета «Работа в Америке» обнаруживает, что для взрослого человека работа занимает центральное место в жизни и имеет большое значение для самовосприятия и самооценки; однако это же исследование

показывает, что многие работники разных профессиональных уровней считают свою работу такой отупляющей и унижительной, что она приводит к физическим заболеваниям, эмоциональному расстройству и злоупотреблению наркотиками [U. S. Department... 1972]. Это и многие другие исследования показывают, что рассматриваемые отдельно различные социальные «проблемы» являются в значительной степени симптомами одной и той же проблемы: проблемы экономической системы, которая предоставляет мало рабочих мест, обеспечивает недостаточный уровень доходов и безопасности и дает слишком мало возможностей для самореализации.

Термины типа «психическое заболевание», «преступник» и «злоупотребление наркотиками» концентрируют внимание на предполагаемой слабости и патологии индивида и отвлекают внимание от окружающей его патологической социальной и экономической среды — это представление о причинности явления, которое в лучшем случае лишь частично соответствует действительности и поэтому вряд ли может быть взято за основу государственной политики. Как следствие, мы содержим тюрьмы, которые способствуют закреплению преступления как образа жизни для многих содержащихся в них заключенных, психические больницы, утверждающие «психические заболевания» как образ жизни для своих пациентов, и наблюдаем высокий уровень рецидива всех этих «проблем». Но слова, с помощью которых мы называем этих людей, продолжают тонко, но убедительно удерживать внимание властей, профессионалов и общественности на надежде на реабилитацию индивида и отвлекают внимание от тех результатов установившейся практики, которые ухудшают положение дел.

Общепринятые названия социальных проблем вызывают другие неоднозначные понятия и чувственные образы. Ярлык «соцобеспечение» для многих значит, что проблема заключается в пособии по безработице, которое поощряет лень. Это широко распространенное мнение о причине бедности еще больше утверждается с помощью других политических терминов, таких как «Положение о пособиях», широко освещаемое в Поправках к закону о социальной защите 1967 и 1971 гг. Наш язык создает образ сотен тысяч получателей социальных пособий, отказывающихся от огромного набора рабочих мест, в то время как соответствующее исследование показывает (1), что только небольшой процент получателей пособий физически способен работать, и даже они

обычно не могут найти работу при уровне безработицы в лучшем случае 5—8 % и гораздо выше в районах, где получатели имеют наибольшую концентрацию; и (2) что социальные пособия не снижают эффективность мотивации к работе [Goodwin 1972; U. S. Department... 1973].

Кроме того, что государственная политика и риторика могут сформировать ложные представления о причинах и природе этих проблем, они также могут создать условия, при которых эти проблемы не получают максимально эффективного разрешения. Вместе с увеличением расходов, расширением бюрократического аппарата и ростом количества профессионалов, занимающихся проблемами преступности, соцобеспечения, эмоциональных расстройств и заболеваний, продолжает расти и количество страдающих от них людей (подробнее см.: [Alford 1975]). Вопросы реабилитации и разумного решения этих проблем часто поднимаются в риторике. Такая повседневная языковая практика и мифы, которые она поддерживает, позволяют нам жить среди людей со всеми нашими проблемами; они также гарантируют, что понимание угроз и попыток их предупреждения будет всегда поддерживать социальную напряженность, беспокойство и постоянную восприимчивость к вербальным намекам, которые позволяют легализовать государственную политику вне зависимости от ее эффективности.

Преобладающее количество категоризаций этих проблем создает гораздо более сложные когнитивные структуры, чем те, о которых мы уже говорили в этой главе. Они убеждают, что недостатки бедных и непослушание подростков могут быть исправлены и что гарантируемые правительством и профессионалами вознаграждения, наказания и лечение изменят их в лучшую сторону; но такая схема классификации вместе с тем определяет экономические институты в качестве неизменных элементов, которые не могут рассматриваться в качестве источника проблем. Подобным же образом название проблемы влияет на формирование мнения о том, какие условия государственная политика может изменить, а какие находятся вне зоны ее влияния.

Другой аспект этой когнитивной структуры касается социального статуса людей. Когда мы называем проблему и отводим ей место в классификации, мы подсознательно определяем статус и роли входящих в нее людей, включая их самовосприятие. Если за проблемой стоит экономическая система, которая оказывает недостаточную финансовую и психологическую поддержку, то работающие бедняки и безработные считаются

жертвами; но если проблема возникает по причине личной патологии, то они считаются лентяями или профессионально непригодными людьми. Представители экономической элиты могут классифицироваться как удачливые или как бессовестные либо как изобретательные и трудолюбивые люди. Те члены общества, которые отказываются играть общепринятые роли, могут быть представлены как независимые, высоко моральные или защищающие себя люди либо как психически больные, аморальные личности; и т. д. Характер номинации проблемы определяет альтернативные сценарии, включающие различные факты, оценки и эмоции. Самовосприятие проблем отдельными людьми, которое является частью этих противоречивых когнитивных структур, объясняет упорство и страсть, с которой люди держатся за них и относят все перемены на счет той или иной структуры; так происходит потому, что выбор личных убеждений имеет далеко идущие последствия для индивида: они определяют его роль и статус, возможности и ответственность, идеологию и конечный успех для каждого.

Никакая структура политических представлений не может существовать без поддержки людей, которая укрепляет общепринятое убеждение. Ни один человек не может считаться успешным или проблемным, ни одна проблема не может рассматриваться как отчетливо определенная или достаточно важная, если другие люди не будут считать их таковыми. Поэтому авторитет и статус государственных деятелей, политиков и социальных работников зависят от публичного принятия их оценки положения вещей и определения проблемы. Незащищенность власти и ее потребность в публичной поддержке находятся в соответствии с обеспокоенностью общественности проблемами, которые, по уверениям властей, они в состоянии решить.

Ссылки на мифические общности как референтные группы

Возможно, основным инструментом влияния на политическое мнение является создание убеждений о проблемах, намерениях или моральных качествах людей, само существование которых весьма проблематично, но которые выступают в качестве эталона, с помощью которого реально существующие люди формируют свои политические убеждения и представления.

Иногда такие формулировки являются в основном правильными. Когда Франклин Рузвельт во время Великой депрессии заявил, что «треть населения плохо питается, одевается и имеет плохое жилье», он явно

использовал риторический прием для того, чтобы получить финансовые средства для поддержки своей политики; но его утверждение о положении значительной части американского народа не воспринималось как преувеличение и не подвергалось сомнению.

Заявления политиков о положении «невидимых» людей либо не могут быть проверены, либо явно не соответствуют действительности. Когда Ричард Никсон в ответ на широкий публичный протест против войны во Вьетнаме сослался на «молчаливое большинство», поддерживающее его агрессивную военную политику, то его заявление прозвучало двусмысленно в свете соответствующего исследования [Mueller 1971]. Задачей такого заявления было создание у людей впечатления, что существует некая референтная группа, которая отличается от явно видимой и немолчаливой группы и включает в себя большое количество людей, которые не могут определить свое отношение к войне. Для такой цели идеально подходит «большинство», которое невидимо, потому что оно «молчаливо». Для каждого, кто ищет предлог для поддержки президента и войны, «молчаливое большинство» выполняет свою роль, даже если оно не существует в реальности.

Заинтересованные люди, зависимые от двусмысленных и противоречивых подсказок, могут выбрать такое публичное послание, которое соответствует их экономическим или идеологическим интересам. Поэтому группы, пытающиеся заручиться поддержкой своей позиции, получают выгоду, делая политические заявления, которые оправдывают позиции своих потенциальных сторонников. Факты, связанные с противоречивыми политическими явлениями, обычно настолько сложны и запутаны, что можно легко подобрать заявления, которые выполняют эту оправдательную функцию и в то же время не выглядят явно ложными. Эти заявления могут быть откровенной ложью и иногда такими и являются; часто они представляют собой интерпретации, которые публика распознала бы как двусмысленные, если бы знала достаточно много об их реальной сущности; иногда они соответствуют действительности. Однако со стороны воздействия на политические взгляды их проверяемость менее важна, чем их доступность, учитывая их роль в создании тревоги в душе многих и двусмысленности во всех областях, где формируется противоречивая политика.

Статистика создает свои мифические референтные группы, часто делая это незаметно для общественности. Почему для действующей администрации важно, чтобы месячные статистические данные по безра-

ботице показали снижение ее уровня, а для политической оппозиции выгодно, чтобы они зарегистрировали повышение уровня безработицы? Люди страдают от безработицы независимо от того, какую общую тенденцию показывает государственная статистика, и их собственный опыт имеет гораздо большее значение для формирования их убеждений, чувств и политического поведения, чем новости об экономических тенденциях. Дело в том, что статистика действительно является главным показателем для большинства людей, которые напрямую не затронуты безработицей. Обеспокоенность о сохранности своего рабочего места и работы своих друзей и родственников распространена широко; поэтому представление о надежности правящей администрации касается многих. И в этом случае достоверность такого представления достаточно ненадежна, так как официальная статистика регулярно занижает уровень безработицы, игнорируя неполное трудоустройство и не учитывая как безработных тех людей, которые настолько разочаровались в успехе поиска работы, что перестали ее искать вообще; и наконец, официальная пропаганда всегда переоценивает роль правительства в случаях, когда условия на рынке труда улучшаются без его участия. Статистические данные выполняют свою задачу независимо от того, искажают они действительность или нет, и они выполняют эту задачу весьма успешно, так как представляются как «достоверные данные». Эти данные вызывают впечатление, что количество безработного населения увеличивается или уменьшается в размере, что конкретный месячный рост является временным отклонением или частью долгосрочной тенденции. Поэтому они порождают публичную поддержку или недоверие среди людей, которые озабочены состоянием экономики и своим собственным будущим.

Подобным же образом статистические данные в других областях порождают фиктивные группы и базы. Снижение темпов роста зарегистрированной преступности убеждает заинтересованных людей в том, что правительство восстанавливает право и порядок; однако такое снижение статистических показателей обычно зависит от метода их компьютерной обработки (одинаковое увеличение количества преступлений каждый год с очевидностью демонстрирует заметное снижение темпов роста) или от того, насколько достоверно правоохранительные органы регистрируют преступления.

Статистика так умело используется для формирования политической поддержки или оппозиции, что иногда правительства публи-

куют статистические данные, которые мало относятся к вызывающей обеспокоенность проблеме или вообще не имеют с ней ничего общего по причине того, что нужная статистика просто отсутствует или подтверждает нежелательные тенденции. Например, если война в Юго-Восточной Азии принимает катастрофический ход, минимальная общественная поддержка может быть все равно завоевана путем распространения сведений о потерях врага, в которых сообщается, что каждую неделю или месяц погибает в десять раз больше солдат вражеской армии, чем американских военнослужащих. Как видимые и легко понятные «достоверные данные» статистические результаты маскируют как свою неспособность ответить на вопрос, кто выигрывает войну, так и фальсификацию сведений армейскими командирами, чье продвижение по службе зависит от сообщений о значительных потерях живой силы противника. Это экстремальный пример, но по этой самой причине он является яркой иллюстрацией возможности создания убедительных эталонов для заинтересованных людей, которые хотят найти предлог для того, чтобы поверить в то, что послужит на руку их интересам или идеологическим склонностям.

Неприметные или имплицитные ссылки могут создать впечатление, что государственная политика помогает нуждающимся даже в том случае, когда она осуществляется в пользу обеспеченных людей. В течение по крайней мере четырех десятилетий американское законодательство, имея целью помощь «семейному фермерству», передало миллионы долларов налогоплательщиков корпоративным фермерским хозяйствам, тем самым помогая вытеснить семейного фермера в город. Сочетание сочувствия мелкому фермеру и желания доверить разработку политики тем, кто знает, как обращаться с проблемами, наделяет повседневное слово способностью порождать полити-

чески значимые представления, независимо от того, являются ли они обоснованными или нет.

Иногда идеологический призыв символа сильнее наблюдаемых условий повседневной жизни людей. В одном из исследований говорится, например, что одни получатели пособий почти всегда по отношению к другим получателям пособий употребляют местоимение «они», а не «мы»; и что большинство людей, получающих социальные пособия, поддерживает ночные обыски домов других получателей и их обязательное бюджетное консультирование [Piven, Cloward 1971]. Эти люди легко игнорируют свой собственный опыт и концентрируют внимание на мифической группе социальных паразитов, созданной языком их политических противников.

Такие символические приемы не всемогущи. Люди часто сопротивляются им, когда они противоречат самоочевидным или осознанным интересам; многие явно не проявляют такого сопротивления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Alford Robert. Health Care Politics. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1975.
2. Edelman M. Language and Social Problems // Society. 1975. № 12 (July—Aug.). P. 14—21. © 1975 Transaction, Inc.
3. Goodwin Leonard. Do the Poor Want to Work? — Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1972.
4. Merleau-Ponty Maurice. Phenomenology of Perception. — London : Routledge and Kegan Paul, 1962.
5. Mueller John E. Trends in Popular Support for the Wars in Korea and Vietnam // American Political Science Review. 1971. № 65, June. P. 358—375.
6. Piven Frances F., Cloward Richard A. Regulating the Poor. — New York : Vintage, 1971.
7. Schütz Alfred. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Philosophy and Phenomenological Research. 1953. № 14, Sept.
8. U. S. Department of Health, Education and Welfare. Work in America. — Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1972.
9. U. S. Department of Health, Education, and Welfare. Report of the New Jersey Graduated Work Incentive Experiment. — Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1973.

M. Edelman
USA

CATEGORIZATION, PERCEPTION, AND POLITICS

ABSTRACT. *This is a translation of a chapter from the book "Political Language: Words that succeed and policies that fail" by Murray Jacob Edelman, published in 1977. The chapter studies the importance of categorization for political discourse. The leading role of categorization is substantiated by close relationship between language and thought: a term is the thought it evokes, not a tool for expressing a preexisting thought. In the act of speaking or writing, people create ideas in themselves of which they were not aware before they were expressed; and in responding to others' language, auditors and readers similarly engender cognitions in themselves, thereby communicating. Political and ideological debate consists very largely of efforts to win acceptance of a particular categorization of an issue in the face of competing efforts in behalf of a different one. The most potent categorizations almost certainly are visions of the future. The author studies various aspects and means of political discourse in the light of these assumptions: the linguistic structuring of social problems, the evocation of mythical populations as reference groups, the categorization of enemies, the linguistic generation of assumptions, that are uncritically and unconsciously taken for granted.*

KEYWORDS: *political discourse; linguistic categorization; образ врага; social consensus; metaphor; stereotypes of thinking.*

ABOUT THE AUTHOR: *Edelman Murray Jacob (1919—2001), master's degree in history (1942, University of Chicago), Ph. D. in Political Science (University of Illinois, 1948). University of Illinois (since 1948), University of Wisconsin — Madison (since 1966), retired in 1990.*

ABOUT THE TRANSLATORS: *Pirozhkova Irina Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.*
Polyakov Sergey Mikhaylovich, Candidate of Philology, Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

REFERENCES

1. Alford Robert. Health Care Politics. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1975.
2. Edelman M. Language and Social Problems // Society. 1975. № 12 (July—Aug.). P. 14—21. © 1975 Transaction, Inc.
3. Goodwin Leonard. Do the Poor Want to Work? — Washington, D.C. : The Brookings Institution, 1972.
4. Merleau-Ponty Maurice. Phenomenology of Perception. — London : Routeledge and Kegan Paul, 1962.
5. Mueller John E. Trends in Popular Support for the Wars in Korea and Vietnam // American Political Science Review. 1971. № 65, June. P. 358—375.
6. Piven Frances F., Cloward Richard A. Regulating the Poor. — New York : Vintage, 1971.
7. Schütz Alfred. Common-Sense and Scientific Interpretation of Human Action // Philosophy and Phenomenological Research. 1953. № 14, Sept.
8. U. S. Department of Health, Education and Welfare. Work in America. — Washington, D.C. : U.S. Government Printing Office, 1972.
9. U. S. Department of Health, Education, and Welfare. Report of the New Jersey Graduated Work Incentive Experiment. — Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1973.